

Е. Ф. ТАРАСЕНКОВА

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ САТИРИЧЕСКИХ СКАЗОК¹

Наиболее характерными для народной сказочной сатиры являются две группы сказок: а) сказки, отразившие социальные антагонистические противоречия, и б) сказки, осмеивающие недостатки в народном быту. Именно в сказках этих групп особенно отчетливо выражено своеобразие народной сатиры.

Сказки каждой из данных групп различаются по своему идеиному содержанию. Одни обличают и высмеивают представителей господствующих классов, другие подвергают осмеянию и осуждению те или иные недостатки народного быта. По характеру сатирического изображения сказки каждой группы имеют отдельные отличительные особенности. Вместе с тем сказки обеих групп представляют собой единый жанр, так как основные способы отображения действительности в них одни и те же или родственные. Поэтому

¹ В статье принятые следующие сокращения:

- Андр. — А. А н д р о н и к о в . Народные сказки Костромской губернии. Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. I. Кострома, 1913. (Указывается страница).
- Аф. — А. Н. А ф а н а с ѿ в . Народные русские сказки. Под редакцией М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова, т. 1. М.—Л., «Асademia», 1936; т. 3, Гослитиздат, 1938 (для раздела «Из русских заветных сказок» указывается страница).
- Г. О. — Архив Русского географического общества. (Указывается шифр).
- Жив. ст. — «Живая старина», XXI, 1912, вып. 2—4. (Указывается страница).
- Зел. — Д. К. З е л е н и н . Великорусские сказки Вятской губернии. Гр., 1915.
- Зим. — М. З и м и н . Ковернинский край. Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. XVII, Кострома, 1920.
- Ив. — Н. А. И в а н и ц к и й . Материалы по этнографии Вологодской губернии. М., 1890.
- Кавк. — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
- К. Д. — Древние российские стихотворения, собранные Киршою Даниловым. Подготовка текста, статья и комментарии С. К. Шамбиного. М., 1938.
- Красн. — Записки Краснодарского подотдела Восточно-Сибирского отдела РГО по этнографии, т. 1, вып. 1. Краснодарск, 1902; вып. 2, Томск, 1906.
- Онч. — Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1908.
- Сад. — Д. Н. Садовников. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884.
- Смирн. — А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества, вып. 1—2. Гр., 1917.
- Соб. — А. И. Соболевский. Великорусские народные сказки, т. VII. СПб., 1902.
- Сок. — Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915.

(Курсивом везде обозначен том или выпуск, прямым — порядковый номер сказки в сборнике).

отдельные эпизоды и сцены сказок одной группы легко переносятся в сказки другой группы.

Не всегда четко отграничены обе группы сказок и в отношении целенаправленности. В сказках, отразивших непримиримые классовые противоречия, находит место осмейание недостатков народного быта, а в сказках второй группы не упускается случай высмеять представителей господствующих классов.

Изучение этих двух разновидностей сатирических сказок представляет большой интерес для разработки вопросов народной сатиры.

Идейное содержание сатирических сказок определяет характер их образов, стилевые особенности, композицию — их жанровое своеобразие.

Наиболее острыми по своему идеиному содержанию являются сказки первой группы. Острие их сатиры направлено против представителей господствующих классов: жестокого барина, жадного попа, корыстолюбивых чиновников, судей, властолюбивого царя и других. По силе обличения, по своим художественным достоинствам сказки не однородны, но все подлинно народные сказки проникнуты демократическими настроениями.

Одним из ярких сатирических образов сказок первой группы является образ барина, жестокого по отношению к крестьянам, не приспособленного к труду, не знающего жизни народа, глупого и жадного. Какая бы черта характера барина ни выделялась в сказке, он неизменно представляется в смешном виде, подвергается унижению. В таком изображении барина высказано стремление народа видеть своего классового врага посрамленным и униженным.

В антибарских сказках высмеивается барин, чаще всего это помещик и чиновник. Чиновники рисуются так же, как и барин-помещик: наделяются такими же отрицательными качествами, так же попадают в смешные ситуации, в унизительное положение.

Народ разоблачал в сказках их взяточничество, продажность, жестокость, корыстолюбие.

Особенно популярным сказочным сатирическим образом был образ попа. Поп обычно стремится обмануть батрака, мужика, но все оборачивается против него самого: работник или мужик наказывает попа, унижает, высмеивает. Жадность попа является главным побудителем всех его поступков. Ради наживы он пускает в ход все средства, не совместимые с его саном и положением: мошенничество, использование религиозных обрядов в корыстных целях, вымогательство.

В сказках о попе-сластолюбце раскрывается противоречие между словами и делами церковников. В антипоповских сказках в своеобразной форме вынесен приговор духовенству, как сословию, враждебному народу.

Объектами сатиры в сказках являются также (в особенности в сказках пореформенной поры) богатый мужик — кулак и купец, в них обличаются бесчеловечность, черствость, завистливость, постоянное стремление к богатству.

Хотя в народе и были сильны царистские иллюзии, сатирические сказки выражают критическое отношение народа к царю. Иногда в одной и той же сказке с традиционным сюжетом царь наделяется положительными качествами и одновременно подвергается резкой критике.

Все отмеченные образы с их сатирической характеристикой встречаются и в сказках волшебных;² но в сказках бытовых, отражавших классовые

² См. статью Н. В. Новикова «Сатира в русской волшебной сказке» в настоящем сборнике.

противоречия, обличение и осмеяние отрицательных персонажей составляют основную целенаправленность произведения, определяют специфику данного жанра.

В сатирических сказках первой группы с демократических позиций выражен протест народа против существующего положения при самодержавном строе, против неравенства и угнетения трудовых масс. И хотя этот протест был ограничен, классово не осознан, сказки имели большое общественное значение. Не случайно идеологи господствующих классов нападали на эти сказки, запрещали их или старались затушевать их классовый обличительный смысл.

В воспоминаниях А. М. Горького о том, какое впечатление производили на него рассказанные нянькой Евгенией сказки, глубоко вскрыта обличительная сущность сатирических сказок: «По словам няньки выходило, что и все на земле глуповато, смешно, плутовато, неладно, судьи — продажны, торгуют правдой, как телятиной, дворяне-помещики — люди жестокие, но тоже неумные, купцы до того жадны, что в одной сказке купец, которому до тысячи рублей полтины не хватило, за полтинник продал ногайским татарам жену с детьми, а татары дали ему полтину подержать в руках и у gnali его в плен, в Крым к себе, вместе с тысячей рублей, женой и детьми».

В сказках второй группы обличаются невежество, глупость, леность, упрямство, вероломство и другие пороки в быту самого народа, порожденные социальными условиями жизни в эксплуататорском обществе. Здесь сатирическое обличение и насмешки направлены на то, чтобы указать недостатки и тем помочь избавиться от них.

Глупость отдельных людей высмеивается в различных ее проявлениях. Сатирически рисуются образы глупцов, которые не умеют делать самых простых вещей, образ набитого дурака, который делает все невпопад, вопреки здравому смыслу.

Существует цикл сказок, в которых подвергаются осмеянию ленивые и нерадивые люди. Народ строго осуждает их. В этих сказках подчеркивается великая роль труда в жизни народа.

Особенно злой насмешке в сказках подвергаются скучные люди. Скульптор расценивается как самый отвратительный порок, который строго наказывается. Осмеиваются в сказках, чаще всего через изображение семейных взаимоотношений, такие пороки, как вероломство, бессмысленное упрямство, легкомыслие и др.

Сатирическое изображение действительности присуще и другим произведениям народно-поэтического творчества: песням, былинам, народным драмам, пословицам и т. д. Эксплуататоры — поп и помещик, бездушные чиновники, лихоимцы судьи рисуются в весьма непривлекательном виде, осуждаются и носители пороков, свойственных народному быту.

Так, например, в юмористических, шуточных песнях высмеивается боярин-дурак, который «в решете пиво варил», поп, который «косарем сено косил», нерадивая «Дуня-тонкопряха» (Соб., 16, 17) и т. д. Такое единство образов и идей в различных видах народного устного творчества свидетельствует о единстве художественного мышления народа. Не случайно одни и те же сюжеты и образы иногда передаются и в песенной, и в сказочной форме. Так, сатирические сказки о дураке набитом, о Ереме и Фоме и другие имеют песенные параллели (К. Д., 58; Соб. 1—12), сказка о том, как вероломная жена посыпала мужа простака в Турцию за «турьским маслом» (Онч., 138), разрабатывает песенный сюжет о госте Терентьевице.

Идейное содержание сатирических сказок раскрывается не только в обрисовке отрицательных персонажей, но и в образе положительного героя. Сказки не только критикуют, но и выражают мечту народа о торжестве справедливости, о лучшем будущем, высказывают его отношение к различным сторонам жизни, к морально-этическим проблемам. Положительный герой сатирических сказок — мужик, батрак, солдат, ловкий человек, простая крестьянская девушка — не является полным воплощением идеала народа, но он выразитель положительных взглядов народа.

В борьбе с классовыми врагами и отдельными пороками в народной среде положительный герой проявляет лучшие человеческие качества, присущие русскому народу, — ум, сообразительность, находчивость, смелость, терпение, изобретательность, ловкость и другие. Батрак, мужик-бедняк пускаются на различные уловки и хитрости, чтобы одурачить жадного попа, унизить жестокого барина; солдат в борьбе с сенаторами, царем, генералами проявляет храбрость, смекалку, решительность. Героем многих сатирических сказок является ловкий человек: шут, вор. Противоречие данного образа отражает противоречия во взглядах крестьян. Герой наделяется привлекательными качествами: необыкновенно смел, находчив, остроумен. Он обманывает, обворовывает «господ», но его обман, воровство и даже жестокость не воспринимаются отрицательно, поскольку они являются средством борьбы против угнетателей и имеют целью высмеять, унизить и наказать классового врага. Герой сказок — ловкий человек, вор — воспринимается прежде всего как мститель.

А. И. Герцен вскрыл причины появления в фольклоре подобного героя и объяснил его поступки: «Отверженный всеми, — писал он о бедняке, — он понял инстинктивно, что все управление устроено не в его пользу, а ему в ущерб, и что задача правительства и помещиков состоит в том, как бы вымучить из него побольше труда, побольше рекрут, побольше денег. Понявши это и одаренный сметливым и гибким умом, он обманывает их везде и во всем. Иначе и быть не может: если бы он говорил правду, он тем самым признавал бы над собою их власть; если бы он их не обкрадывал (заметьте, что со стороны крестьянина считают покражею утайку части произведений собственного труда), он тем самым признавал бы законность их требований, права помещиков и справедливость судей».³

Ловкий человек ворует не ради обогащения, что характерно для героя классической западноевропейской «плутовской новеллы», а из нужды или мести. Несмотря на социальный смысл его поступков, на показ вынужденности его действий, в обрисовке этого образа проявляется ограниченность создателей этих сказок. Народ восхищался борьбой одиночек против представителей господствующих классов, какую бы форму эта борьба ни приобретала.

Среди положительных героев сказок второй группы нет батрака, бедняка, ловкого вора, противостоящих представителям господствующих классов. Противопоставление положительного героя отрицательным имеет здесь другой, более ограниченный смысл: ленивая жена — работающий муж, глупец — умный человек, вероломная жена — честный муж и т. д.

Герой сатирических сказок по своим типическим чертам отличается от популярного положительного героя волшебных сказок — Иванушки-дурочка. Последний побеждает врага в силу морального превосходства над

³ А. И. Герцен, т. VI, Пб., 1919, стр. 444—445.

ним. Герой сатирической сказки побеждает благодаря уму и хитрости, так как изображенная в сказке борьба с коварным врагом требует находчивости, смекалки, ловкости. Для Ивана-дурака характерно простодушие, незлобивость, самоотвержение. Герой сатирической сказки для достижения цели не останавливается перед средствами и с врагами бывает даже жесток. Несмотря на различие, оба эти образа являются подлинно народными. Положительный образ сатирической сказки по сравнению с положительным героем волшебной сказки является новым этапом в развитии художественного мышления народа, отразившим социальные отношения, классовую борьбу.⁴

Для выяснения жанрового своеобразия сатирических сказок необходимо не только раскрыть идейное содержание и типические черты сказочных образов, но и проследить, как в ходе повествования проявляются эти качества, как создается сказочный образ.

Очень важным приемом создания образов в социально-бытовых сатирических сказках является необычайность поступков персонажей и условий, в которых они действуют. Попадая в необычайные, чаще всего нелепые и курьезные обстоятельства, совершая необыкновенные поступки, сказочный сатирический персонаж полнее раскрывает себя. Так, мужик заставляет барина стеречь под шапкой под видом «пичужечки» сор, навоз (Сад., 27; Сок., 44). Ситуация необычайная для взаимных отношений барина и мужика, но она острее показывает глупость барина и смекалку мужика и создает сказочное отображение действительности. В сказке «Глупая деревня» (Ив., 33) изображается необычное церковное богослужение. Священник заставляет прихожан повторять все за ним. Машет он кадилом — и крестьяне машут руками. «И вывалился попу каленый уголь за голенище; поп упал на спину и давай трясти ногою, а все миряне упали на спину и давай трясти ногами». Такого богослужения на самом деле не могло быть, тем острее сатира в сказке и занимательнее рассказ. Мужик, напугав барина разбойниками, заставляет его лаять всю ночь напролет. Эта нелепость лучше всего раскрывает трусость барина, его тревогу за свою собственность, его глупость.

Отрицательный персонаж, попадая в необычайные ситуации, или сам себя разоблачает, раскрывает свою сущность, или герой сознательно ставит его в смешные положения. Нередко отрицательный персонаж сказки пытается поставить в нелепое положение героя, высмеять его, но сам оказывается в более необычных, смешных обстоятельствах или совершает нелепые поступки. Так, барин, желая наказать работника, заставляет его пасти зайцев, но самому барину приходится выполнять задачу для него необычную, унижающую его (Онч., 258).

Необычайность, условность в развитии действия, в обрисовке образов придает специфический колорит сказке и особый характер образу. В сказке «Сердитая барыня» (Сок., 45) сонную барыню переносят к сапожнику, тот

⁴ М. Г о рь к и й, Собрание сочинений в тридцати томах, т. 27, Госиздат, М., 1953, стр. 396. — Подробное раскрытие идеиного содержания сатирических сказок не входит в задачу данной статьи, тем более что эта их сторона наиболее изучена. См. статьи о бытовой сатирической сказке в книгах: Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 1 и 2. М.—Л., 1955—1956; Русская сатирическая сказка в записях середины XIX—начала XX века. Подготовка текстов, статья и комментарии Д. М. Молдавского. М.—Л., 1955.

утром без всяких сомнений принимает ее за жену и обращается с ней, как с простой крестьянкой. Все эти несообразности просто-напросто не замечаются. Эта условность придает повествованию сказочный характер, но совсем не нарушает логики в развитии событий. Здесь — условность, как и в волшебной сказке, но условность бытовая. Барыня наделена реальными, жизненно типическими чертами, но проявляет их в необычной обстановке.

Таким образом, в сатирических сказках рисуются разнообразные события, ситуаций, обстоятельства, поступки героев, — необычайные, но в бытовом плане. Эта бытовая необычайность — самая характерная, специфическая черта сатирической сказки. Она дает возможность, не отрываясь от круга обычных, знакомых представлений, заострить, в преувеличенном виде показать то, что подлежит осмеянию, — глупость, подлость, жестокость, тунеядство и другие качества отрицательных персонажей, — и выявить те черты героя, с помощью которых он побеждает классового врага или перевоспитывает отдельных людей из народа: смелость, ум, сметливость, благородство и другие.

«Человек дается в разнообразных условиях, и натура его выявляется в этих разнообразных условиях во-всю»,⁵ — писала Н. К. Крупская о художественных приемах в сказке. Характерным для сказки является то, что персонаж, попадая в необычайные обстоятельства или совершая необычные поступки, проявляет качества обыкновенного человека.

Необычайны в сатирической сказке не только поступки героев или обстоятельства, но и те отношения, в какие ставятся представители господствующих классов и герои из народа. Уже то, что герои сказок бесцеремонно, свободно обращаются с попом, побеждают и наказывают барина, царя, — необычно для того времени. Само поражение классового врага тоже являлось для того времени необычайным. Но посрамление врага отражает мечту трудового народа о справедливости.

В сказках о недостатках в быту народа необычайность не так резко выделяется. Это объясняется тем, что в сказках первой группы необычайно уже то, что герой сказки — простой мужик, батрак, мастеровой — вступает в самые тесные житейские взаимоотношения с барином, купцом, попом, царем, во взаимоотношения, которых в таком виде, как они представлены в сказках (герой из народа побеждает своего врага), на самом деле не было. В сказках же второй группы в самом факте обыденных отношений положительных и отрицательных персонажей нет ничего необычного. В них необычайность представляется как преувеличение какого-либо качества: чрезмерной глупости, лености и т. д. Это вторая сторона необычайности. Например, муж наказывает ленившую жену, обрезает косы (Ив., 36). Жена, проснувшись, не узнает себя: «Я-то бы я, да голова-то не моя!» В этом неузнавании и состоит необычайность ситуации. Поступки «набитого дурня» противоречат элементарной логике, в этом смысле они необычны. Герой сказки (Жив. ст., 234—236; Зел., 62; Онч., 50; Сок., 1; Смирн., 1, 77, и др.) забирается в дупло дерева и оттуда говорит своей неверной жене от имени святого Николы Дулленского, как ей поступить с нелюбимым мужем, чтобы уморить его. Нередко в сказках этого типа создается мнимая «необычайность»: чтобы обмануть и наказать носителя пороков, герой притворяется мертвым, слепым или глухим.

⁵ Н. К. Крупская. О детской книжке. «Литературная газета», 1933, 29 марта, № 15.

Необычайность поступков, ситуаций, взаимоотношений героев не противоречит реалистичности сатирических сказок. Герои — обычные люди; бытовая обстановка, в которой совершаются поступки персонажей, общая социальная направленность — все это определяет реалистический, жизненный характер сатирических сказок.

В создании сказочного образа главную роль играет обобщение типических черт характера, а индивидуализация их только намечается. Основываясь на этом, некоторые исследователи считают, что герои сатирических сказок схематичны.⁶ Но это неверно. Сказочные образы отмечены жизненностью и отнюдь не воспринимаются как схемы. Действительно, индивидуальных черт, какими обладают типические герои реалистических литературных произведений, у них почти нет. Отсутствует портретная характеристика, а если и дается, то в самых общих чертах. Почти отсутствует в сказках и описание психологических переживаний героя, привычек, размышлений и т. д., что характерно для литературного образа. Герои сказок часто даже не имеют собственного имени, просто сообщается: «жил был поп», или «жил один барин». Иногда имядается лишь для рифмы, для украшения речи.

В образе выделяются основные важные качества, присущие большой группе лиц данной социальной среды. При этом они отмечаются непосредственно, дается прямая, так сказать «авторская» социальная и психологическая характеристика. «А поп скупой был» (Зел., 63); «В одной семье жил-был дурак набитой» (Аф., 3, 404); «В одной усадьбе была барыня и до того сердитая, никому житья не было» (Сок., 45); «У одного мужика была жена сварлива и упрямая» (Аф., 3, 438). Но эта общая характеристика, данная в начале сказки, конкретизируется далее поведением героя. Сказочный персонаж совершает такие действия, при которых наиболее ясно обнаруживается то или иное его свойство. Действия и поступки героя индивидуальны, они-то и создают его живое лицо. В сказке «Голодный поп» (Онч., 250) сообщается, что «поп был скупой, только и глядит казака не накормить». Затем в ходе действия эта черта раскрывается в его индивидуальных поступках: он радуется тому, что батрак за один раз завтракает, обедает и ужинает (меньше съест); отправляясь за сеном, не берет хлеба, чтобы не кормить работника, из-за жадности голодают сам.

Сказочный образ приобретает некоторые индивидуальные черты и благодаря тому, что в сказке очень тонко разработаны детали в обрисовке действий героя, обстановки и т. д. Они и создают живой, полнокровный образ. В сказке «Поп и дьякон» (Сад., 43) рассказывается, как дьякон воровал, а поп «ворожил». Детально разработана сцена, изображающая, как поп гадает по «черной книге» о пропавших лошадях и берет за это деньги с крестьян. Мужики обращаются к попу: «Ох, ты, батюшка, отец духовный, ты видишь свет; не знаешь ли, где лошадей наших след?» — «Ничего, друзья, не знаю, разве в черну книгу погадаю — все узнаю. Придите на утро». Пришли они на утро, сказал поп: «Ну, мужички, ваши лошади в лесу; дорогу только я вам не скажу: дайте сотенку рублей!» — «Сотенку дадим, только путь-дорогу расскажи, до коней нас доведи. Мужики сотенку вынимали, алчному попу в руки давали» и т. д. В этой картине поп представлен жадным, хитрым. Если бы эта сцена была лишена

⁶ Так, П. В. Линтур в диссертации «Закарпатский сказочник Калин» пишет: «Известно, что в традиционном фольклоре обычно выступают герои, являющиеся носителями одной черты характера. Отсюда схематизм сказочных персонажей» (Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ужгород, 1953, стр. 12).

детализации, если бы просто сообщалось, что мужики обратились к попу за помощью, а он погадал и сказал, где лошади, то никакого бы образа не получилось. Именно детали помогают так развернуть картину, чтобы в ней ярко раскрывалось идеиное содержание сказки, выступила та или иная черта характера персонажа.

В сказках второй группы индивидуализация образа менее обозначена, в них обличение направлено, прежде всего, против отдельных недостатков. Здесь иногда важнее высмеять порок, чем его носителей.

Сказочный персонаж порой наделяется, кроме основной, ведущей черты, и другими качествами, но они являются второстепенными, выражаются не так отчетливо, как основная. Второстепенные черты делают образ более ярким и полнее вскрывают его сущность. Это можно проследить во многих сказках. В сказке «Поп и Николай чудотворец» (Онч., 41) сатирически нарисован образ попа. На протяжении всей сказки, во всех многочисленных ситуациях и в поступках героя проявляется главная особенность попа, присущая духовенству как сословию, — жадность. Но попутно, как бы мимоходом, в его образе вырисовываются другие свойства, вытекающие из сущности данного образа, они и помогают представить его живым. Поп, чтобы работник не ел сметану, прячет ее в церкви у иконы Николая-чудотворца. Обнаружив, что сметана съедена, он подозревает в воровстве святого и разбивает икону. В этих поступках раскрывается основная черта — жадность, но в то же время и безразличие к церковным делам. Испугавшись последствий своего поступка, он бежит из прихода. Так наряду с жадностью попа вскрывается его трусость. Из дальнейшего повествования узнаем, что поп презрительно относится к труду, к людям, стоящим ниже себя, что он заносчив. Старик-спутник просит его принести воды. Поп отвечает: «Что ты, старичок, подобает разве попа наряжать? Поп может нарядить тебя, а не ты попа». Обнаружив у старика в мешке три просвирны, поп кричит: «Как так? я поп, да у меня две, а у тебя три!» Из последующих поступков попа мы узнаем, что из-за жадности он поступается своей совестью и своим достоинством: ворует у старика просвирку и признается лишь тогда, когда это сулит ему лишние деньги. Таким образом, в сказке постепенно раскрываются различные черты характера персонажа: кроме жадности, выявляются спесь, заносчивость, трусость, самонадеянность, глупость и т. д. Но все-таки главная особенность попа — это жадность, она проходит через всю сказку, остальные черты подчинены главной и обусловливаются ею.

Главная черта, характеризующая героя сказки, подается густыми мазками. Ее выделение вскрывает сущность образа. Такой прием создания сатирического образа отчетливо выражает отношение автора к изображаемому предмету. От главной черты характера героя зависят и развитие сюжета сказки и второстепенные качества героя.

Н. К. Крупская писала, что этот прием фольклора состоит в том, чтобы «в известных типах олицетворять определенные качества, одно качество — специфическое — выступает, затемняя все остальные».⁷

Может создаться впечатление, что сатирический сказочный образ статичен, поскольку об основном качестве характера мы узнаем сразу же при знакомстве с героем. Но если внимательнее проследить развитие действия, то можно увидеть, что сказочный образ развивается: во-первых, углубляется главная черта, раскрываются ее отдельные оттенки; во-вторых, по-

⁷ Н. К. Крупская. О детской книжке. «Литературная газета», 1933, 29 марта, № 15.

степенно с развитием сюжета выявляются те особенности характера персонажа, которые дополняют основную черту, делают образ богаче.

Основное качество сказочного образа не просто подчеркивается, выделяется, а концентрируется. Оно проявляется в каждом поступке, в речи, в столкновениях. В сказке «Солдат и барин» (Аф., 3, стр. 389) с первых же слов сообщается, что барин скопой. Барин говорит солдату, что ему «денег жалко». Он плачет, так как ему жаль отдать заработанные солдатом деньги. Наконец, соглашается прислуживать солдату в течение трех дней, только бы не расставаться с деньгами.

Сатирический типический образ создается посредством заострения и преувеличения главной черты. Осмеиваемое явление подается «крупным планом», рассматривается как бы через увеличительное стекло, проявления обличаемого качества многократно повторяются, и оно доводится до своего логического конца, до абсурдности. Это помогает разоблачить его сущность. В. Г. Белинский писал: чтобы уничтожить ложь, «должно не мешать ей дойти до своей последней крайности, власть в нелепость, сделаться смешною, вполне проявиться, принять образ и лицо».⁸

Однако гиперболизация не отрывает образ от реальной действительности, а лишь делает его более значительным, запоминающимся. В сказке «Поп и работник» (Зел., 49) глупость и трусость попа показана в преувеличенном виде. Поп ночью едет через лес и, принимая корень дерева за медведя, приказывает кучеру поворачивать назад. Дальше действие развивается так, что все больше и больше проявляются эти качества попа — трусость и глупость. В конце концов они показываются в гротескном плане. Поп, убегая от мнимого медведя, мчится впереди своей собственной коляски. Подобный прием типизации характерен и для других видов искусства, но в сатирических сказках он является важнейшим. Преувеличение — один из основных приемов обличения в сказке.

Одним из важнейших и последовательных приемов в создании сатирического образа в сказке является контрастирование образов. Оно помогает полнее отразить социальные противоречия и глубже раскрывает сущность образа.

Сказочные герои противопоставляются друг другу по своему социальному положению, моральным качествам, семейным отношениям и т. д. Контраст обычно намечен уже в экспозиции сказки: «Были-жили два брата. Вздумали они делиться, стал один жить с того времени богато, другой бедно. Один яровые пашет, а другому есть нечего» (Г. О., 18. 1. 26, № 3). Для усиления контраста здесь противопоставляются родные братья. При этом для сатирических сказок характерно не простое противопоставление двух персонажей, а их столкновение. В самом противопоставлении уже намечена неизбежность борьбы: барин и зависимый от него крестьянин, поп и батрак и т. д. В сказках о недостатках в народном быту показано столкновение характеров преимущественно в моральном плане (работающий муж — ленивая жена, простоватая женщина — хитрый солдат, и т. п.).

В некоторых сказках положительный герой отсутствует, но противопоставление подразумевается, подсказывается самим ходом развития действия.

В создании образа важную роль играет речевая характеристика. Во-первых, посредством речи выражается отношение создателей сказок к персонажам сказки. Как правило, речь положительного героя богата афоризмами и меткими выражениями, многообразна по своему лексическому составу,

⁸ В. Г. Белинский, т. 6, стр. 307.

эмоционально окрашена. Такова, например, речь солдата, она пересыпана пословицами, поговорками, прибаутками, употребление которых свидетельствует о его остроумии, находчивости, веселом характере. Речь отрицательного персонажа не отличается богатством красок, бедна и однообразна, иногда изобилует грубыми словами.

Речь характеризует героя со стороны классовой. Герои употребляют слова и выражения, которые показывают их классовый облик. Так, речь барина отличается грубостью по отношению к крестьянам: «Да ведь я тебе, дурак, говорил», — кричит он кузнечу. «Что ты, подлец... ты видишь, меня бьют, а орешь: „Прибавь еще!“» — напустился барин на лакея (Сад., 39).

Речь персонажей является также одним из средств раскрытия отдельных психологических черт героя. Священник в сказках обычно обращается к прихожанам или к работнику и мужику с такими словами, как «свет», «дитя духовно» и т. д.; особенно когда он обманывает их, надеясь извлечь для себя выгоду, речь его становится елейной, заискивающей, — и наоборот, в его лексиконе появляются грубые слова, как только возникает угроза его обогащению, благополучию. Он бесцеремонно разговаривает с людьми, зависящими от него, и заискивает перед высшим духовенством. Таким образом, при помощи речи вскрывается лицемерие, ложь, ханжество представителей духовенства. Так, поп-любовник, которого муж застает у своей жены, говорит мужу: «Эдварствуй, дитё духовно, я пришел к тебе, мне ведом пришел, что жена твоя сделалась нездорова...» «Ай, дитё, если бы ты спротивил заповедь ей» (Онч., 138). Поп стыдит прихожан, которые на исповедь приносят меньше гривенника: «Экая ты рогатая скотина! за целый год не мог набрать гривенник, чтоб духовному отцу за исповедь дать, ведь он за вас, окаймленных, Богу молится» (Аф., 3, стр. 367).

В сатирических сказках важным средством создания образа, раскрытия социальных черт персонажей являются элементы эротики, которые используются для того, чтобы вскрыть моральный облик барина, попа, вероломной жены и других персонажей, усилить остроту и занимательность сказок. Эротика как средство обличения присуща обеим группам сказок, но особенно характерна для антиповских сказок. Именно в антиповских сказках она создает особую остроту, так как посредством эротических элементов отчетливо дается контраст между проповедями представителей духовенства и их поведением.

Н. К. Крупская, отмечая особенности народной сказки, писала, что прием фольклора состоит в том, чтобы «брать очень несложную фабулу, но такую, которая могла бы как можно ярче, рельефнее иллюстрировать определенную мысль, концентрировать около развития этой основной мысли все действия».⁹ Это полностью относится к бытовой сатирической сказке, определяя развитие сюжета и композиции. В большинстве сказок сюжет построен на действии, которое, в отличие от волшебных сказок, развивается стремительно, так, чтобы постоянно выделять, подчеркивать, иллюстрировать ту или иную мысль. В сказке «Голодный поп» (Онч., 250) оно развивается таким образом, что на протяжении всей

⁹ Н. К. Крупская. О детской книжке. «Литературная газета», 1933, 29 марта, № 15.

сказки подчеркивается глупость и жадность попа и находчивость работника.

Сказки имеют особую экспозицию, завязку, кульминационный пункт, развязку. Начинается сказка своеобразным зчином-экспозицией. В нем слушатель знакомится с социальной или бытовой обстановкой. Характеристика героя или обстановки самая лаконичная, предельно простая. Сразу же слушатель узнает об основных качествах героя или его социальном положении: «Жил в деревне мужичок с женой» (Сок., 2); «Один мужичок в деревне нуждался хлебом» (Сок., 4); «Дожил один мужик до того, что есть нечего, продать некого и заработку нет» (Смирн., 1, 63); «Жили себе старик да старуха, жили бедно-пребедно: всего-навсего у них была ветхая избенка да петух» (Кавк., 4). Нередко сразу же дается оценка героя: «Жил на свете один недобрый барин» (Г. О., 32. 1. 39, № 7); «Жил в деревне мужичок с женой. Только детей у них было — один сын» (Сок., 3). Таким образом, в социально-бытовых сатирических сказках с первых же слов слушатели вводятся в обстановку действия, знакомятся с действующими лицами, с их социальным положением, с их типическими чертами. Все это выражено буквально в одной-двух фразах. Сказки о недостатках в быту народа чаще всего начинаются характеристикой моральных качеств действующих лиц: «В одном селе жил-был старик, да такой скопой, прижимистый» (Аф., 3, 520); «У одного мужика была жена сварлива и упрямая» (Аф., 3, 438).

Некоторые сказки начинаются непосредственно с изображения действия. «Нанял поп работника, поехали за сеном» (Онч., 206); «Идет Жукин по дороге: едет барин и разговаривает с ним». Такое начало не похоже на зчин волшебной сказки. Но поскольку сатирическая сказка близко связана с волшебной, то в ней нередко встречаются и ее зчины. Однако в эти зчины вносятся такие детали, которые делают зчин естественным в социально-бытовой сатирической сказке, например: «В некотором царстве, в некотором государстве стоял дворец; в этом дворце жила принцесса, была у ней кухарка да повар» (Онч., 246). Последнее замечание о героях — кухарке и поваре — и вводит слушателя в мир реальной действительности. Или: «Долго ли коротко ли жил Дорон, неизвестно, только после его смерти осталась жена и сын холостой» (Смирн., 1, 59); «В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, на гладком месте, как на бороне, стояло небольшое село» (Онч., 245).

При всем своем отличии от зчинов волшебной сказки зчины сатирической сказки тоже имеют налет сказочности, дают представление о сказочной обстановке. В сказках обычно традиционное начало «жил-был». И хотя действие не происходит в тридевятом царстве, тридесятом государстве и указание на место действия имеет реалистическую окраску, однако в нем нет определенности. Обычно говорится: «в одном селе», «в одной деревне», а то и просто место действия не указывается. Так же неопределенно говорится и о времени: «В одно время Марья сдобылась на погост идти в праздник, спросилась своего мужа» (Сок., 56); «... жил один художник, в одно прекрасное время приходит к нему госпожа и просит его написать 12 апостолов» (Сок., 160). Сказочный колорит вносится и тем, как сказка знакомит с героем: он, как и герой волшебной сказки, представляется слушателям неконкретно, неопределенно: «Жил-был старик со старухой», «Жили два брата» или «мужик и баба».

В завязке уже намечается основной конфликт сказки. В сказке «Поп исповедник» (Онч., 138) завязка действия раскрывается так: «Бывало крестьянин уехал в лес за дровами, приезжает с лесу, братец ты мой, до-

мой, под окно, а в фатере в это время случился поп у хоэяйки в гостях». Это столкновение персонажей является началом дальнейшего развития действия, при этом столкновение постепенно обостряется. Нередко в сказке завязка носит сказочный, нереальный характер. В сказке «Хитрый мужичок» (Сок., 107) толчком к развитию действия послужил веший сон. Мужику приснилось: «Иди, старичок, на такой-то остров, там корчага денег. Достань её. Сыт будешь от этой корчаги». Сон сбывается, герой находит клад. Это и является завязкой.

Конфликт в сатирических сказках определяется их целенаправленностью. В сказках первой группы преобладают острые классовые конфликты, которые разрешаются полным посрамлением, унижением, наказанием или уничтожением и редко перевоспитанием врага, отрицательного персонажа. В сказках о теневых сторонах народной жизни отражены столкновения, происходящие внутри класса, и конфликт разрешается насмешкой, поучением, осознанием сатирическими персонажами своих пороков или их исправлением.

В большинстве сказок конфликт развивается постепенно. Положительный герой в борьбе с врагами проявляет большую активность. В «Сказке о барине и Петрушке» (Ив., 42) действует батрак Петрушка, а барин все делает по его указке. Поехал барин с Петрушкой к теще в гости. Казак предлагает барину переночевать в поле под стогом, «запихал барина в мешок и на ногах завязал», чтобы барин согрелся. «Петрушка походил, походил, да и пришло ему на ум: дай, говорит, я нарублю виц да барина отстегаю». Выдав себя за прохожего мужика, отстегал барина. Приехали к теще, Петрушка делает все, чтобы голодного барина не покормили. Так барин и спать лег голодный. Ночью работник подал барину краюшку, у которой «мякиши выглодал, а в корки глину набил». Так барин и съел эту краюшку. Кончается сказка тем, что барин от всех «услуг» Петрушки умер в дороге.

Даже когда в сказке все действия принадлежат отрицательному персонажу, положительный герой не пассивен. Сказка «Поп и работник» (Онч., 260) повествует о том, как поп действует по наущению работника и попадает в глупейшие положения. Работник только подсказывает, подбивает его на те или иные поступки. Уже в самом таком соотношении сил раскрываются характеры героев, превосходство работника над попом.

Вступая в конфликт, отрицательный персонаж проявляет свою социальную и психологическую сущность. Положительный герой борется за справедливость: либо защищает себя и окружающих, либо мстит. Победа героя приходит не сразу. Часто конфликт развивается так, что вначале побеждает враг, отрицательный персонаж. Такое развитие сюжета повышает интерес слушателей и полнее раскрывает образы: в этом случае уже в начале сказки показано, что отрицательный персонаж представляет реальную силу в борьбе и что требуется известное напряжение сил, чтобы одержать победу.

В разрешении конфликта важная роль принадлежит положительному герою. Его активность обусловлена общим направлением сказки. Герой борется против классового врага или порока в народной среде и всегда побеждает. Это отвечало стремлению народа к торжеству правды.

В ряде сказок конфликт разрешается благодаря вмешательству какого-либо высокого лица (царя, князя) или чудесной силы — с помощью чудесного бочонка, сумки, черта и т. д. Использование в борьбе какой-то посторонней силы показывает ограниченность протеста народа. Но иногда это просто воспринимается как один из приемов разрешения конфликта: по-

ложительный герой сталкивает своего противника с другим отрицательным персонажем и таким путем наказывает своего противника. Подобное построение сказки увеличивает ее занимательность. Герой одной сказки (Онч., 257; Сок., 128), желая отомстить вероломному другу за обман, сталкивает его с архиереем, который и расправляется с ним. В сказке «Лихая баба» (Онч., 95) муж, чтобы «проучить» злую жену, сталкивает ее с чортом, затем расправляется с последним.

Как бы конфликт ни развивался, он отражает борьбу двух противоположных сил, которая протекает в разнообразных формах, но всегда имеет необычный сказочный характер.

Действие в сатирических сказках нередко развивается в кажущейся не-последовательности. Иногда вносятся отдельные мотивы, эпизоды, которые как будто бы не имеют значения, уводят в сторону, однако на самом деле они создают определенную композиционную форму сказки и обусловливают дальнейшее развитие действия. Так, в сказке «Поп теленка родил» (Онч., 142) все события излагаются в таком порядке, который яснее раскрывает тему: сначала рассказывается, как поп бежит из прихода, чтобы телиться где-нибудь среди чужих: По пути он отрубает ноги с сапогами у мертвого тела. Как будто бы этот эпизод вставной, лишний, нарушающий развитие действия. Однако он важен в идеином отношении, так как полнее характеризует образ попа, рисуя еще одно проявление жадности. В композиционном же плане этот эпизод необходим для сказочной комической развязки: работник уверяет попа, что тот отелился; поп бежит и оставляет в доме, где он ночевал, отрубленные ноги; работник запугивает хозяев, заявляя, что их теленок съел попа, оставил только ноги.

В сказку нередко вводится дополнительный конфликт, который свидетельствует о трудности борьбы главного героя, помогает глубже раскрыть идеиное содержание сказки и определенным образом характеризует героя. В сказку «Поп и работник» (Онч., 109) вводится эпизод взимания с чорта оброка. Это столкновение работника и чорта является важным этапом в борьбе работника против попа и необходимо для более яркого и полного разрешения основного конфликта.

Для композиции сатирических сказок, как и волшебных, является характерным троекратное повторение эпизодов, но чаще встречаются не словесные повторения эпизодов, а с некоторыми изменениями, обычно с нарастающим эффектом.

С каждым повторением углубляется раскрытие основной идеи сказки, последний эпизод является самым напряженным моментом, вершиной конфликта. В известной сказке «Барин и плотник» (Онч., 223) плотник три раза избивает барина, при этом третий раз обманывает особенно ловко и избивает открыто. В сказке «Мужичок, чорт и попы» (Сок., 33), повествующей о том, как мужик, убивший трех попов, нанял чорта отнести труп попа в прорубь, комически изображается выполнение чортом своих обязательств. Он относит по очереди трех попов, принимая их всех за одного, сбежавшего из проруби. Действие достигает наибольшего напряжения в последнем эпизоде, когда чорт хватает живого попа, принимая его за убежавшего мертвеца, и бросает в прорубь: «Постой, говорит, долговолосый, не уйдешь! Ты опять обогнал! От меня не уйдешь!»

В сказке «Чего на свете не бывает» (Андр., 133) богатый барин, решив подшутить над мужиком, задал ему вопрос: чего на свете не бывает? За ответ он пообещал награду. Первый раз мужик отвечает: «Одного, барин, не бывает: топором никто не подпоясывается, ног за топорище не заткнет». Во второй раз он придумал такой ответ: «Баба попом не бывает,

красная девка обедни не служит». Барин отказал в награде, объяснив, что это бывает в других странах. Третий ответ мужика оказался самым острым: мужик рассказал, как он был на небе, видел там покойного отца барина. На вопрос барина, что отец там делает, мужик отвечает: «Да после моих ребятишек постилки стирает». «Врешь, мужик-дурак! — закричал барин. — Того на свете не бывает, чтобы барин у холопа нянчился». В первых двух эпизодах раскрывается ум мужика и глупость барина. В последнем, где разрешается конфликт, особенно усиливается сатирическое обличение.

Некоторые сказки, в частности сказки о ловком человеке, заключают несколько эпизодов, почти равнозначных по своему характеру, которые разрешаются довольно просто: герой при каждом столкновении с противником в той или иной форме одерживает над ним победу. Герой сказки «Попов работник и дьякон» (Зел., 26) — работник — три раза при различных обстоятельствах избивает дьякона, любовника попадьи. Каждое из этих столкновений является по существу конфликтом, который раскрывает, с одной стороны, характер дьякона, с другой стороны — ловкость, смекалку работника. Такое нанизывание отдельных столкновений объясняется тем, что основная цель такой сказки — показать необыкновенную ловкость, находчивость положительного героя — «ловкого человека». Чем больше и разнообразнее ситуации, в которых ему приходится вступать в столкновение со своим противником, тем очевиднее его положительные качества и тем больше разоблачается его враг.

Сказки, высмеивающие недостатки в народе, в своем построении имеют некоторое своеобразие. Эти сказки невелики по размерам, обычно состоят из одного-двух эпизодов. Так, в сказке «Цыган и мужик» (Сок., 31) скучный мужик ужинает, а цыгана не приглашает. Тот, сделав вид, что не слышал приглашения, садится сам за стол. Мужик ест легкое, а цыган щи со свининой. «Что ты, цыган, свинину-то таскаешь по многу? Ты бы хоть хлебал легкое! — „Да мне и это не грузно!“ — Ты бы хоть помаленьку хлебал-то, по одному кусочку! — „Да мне не задавиться стать по пяти-то таскать“». Такого рода юмористический диалог часто стоит в центре сказки, служит ее основой.

Действие в сказках этой группы развивается так: отрицательный персонаж тем или другим способом проявляет свои типические качества: злая баба посылает мужа по снегу собирать ягоды (Смирн., 2, 338); неверная жена приглашает дружка и т. д. Обычно это столкновение кончается посрамлением отрицательного персонажа или его перевоспитанием. В отличие от сказок, отражающих классовые противоречия, в них редки дополнительные эпизоды, конфликты проще. Иногда столкновение не носит характера борьбы, а герой просто обучает, как надо поступать в тех или иных случаях (в сказках о глупцах-пошехонцах). Разрешение конфликта носит педагогический характер.

В сказках о ленивой и нерадивой жене обычно вступают в конфликт ленивая жена и трудолюбивый, хороший муж. Нередко конфликт разрешается так: ленивая жена ставится в такие обстоятельства, что сама понимает пагубность своего поведения. Иногда муж создает обстановку, которая бы воспитывала нерадивую жену. Чаще все-таки положительный герой, муж ленивой жены, «учит» ее: избивает или наказывает другим способом.

Сказки о вероломной, хитрой, развратной жене разнообразнее по композиции и по характеру конфликтов. Почти всегда в этих сказках сталкиваются три персонажа: муж, жена и любовник. Вначале муж оказы-

вается обманутым, затем он узнает сам или ему открывают глаза посторонние люди на поведение жены, и после этого следует расправа с любовником и иногда с женой. В других сказках столкновение персонажей ограничивается первым этапом: жена хитро обманывает мужа.

Для конфликтов сказок второй группы характерно то, что герой сказки не преодолевает таких препятствий, как в сказках, отражающих социальные противоречия, в них столкновения повседневные, обычные. Этим объясняется то, что положительный герой сказок мало действует. Если герою сказок первой группы приходится изворачиваться, хитрить, прибегать к различного рода уловкам, чтобы унизить, высмеять или наказать врага, то роль героя сказок о недостатках в быту народа сводится к тому, что он высмеивает тот или иной известный порок. Так, в сказках о глупцах простоватая старуха настолько глупа, что сама напрашивается на обман.

В тех сказках, где нет положительного героя, действие развивается иначе, чаще с использованием нарастающего эффекта при повторении эпизодов. Так построена сказка о бесплодном мечтателе (Онч., 271), о мене, сказки, сходные по сюжету со сказкой Пушкина о рыбаке и рыбке. В них нет конфликтов в общепринятом смысле. В этих сказках герой совершают такие поступки, которые сами себя разоблачают.

Своеобразие конфликта сказок второй группы состоит в том, что в результате столкновения противоположных персонажей и воздействия положительного героя сказки на отрицательного персонажа последний избавляется от порока, которым он наделен, или осознает необходимость избавления от него. Иногда отрицательный персонаж исправляется под влиянием обстоятельств. Конфликт не имеет социальной остроты.

Способы выражения конфликта в сатирических сказках обеих групп разнообразны. В ряде сказок конфликт развивается в виде соревнования отрицательного и положительного героя. При этом соревнование может принимать разные формы: загадывание и разгадывание загадок, состязание в ловкости и смекалке. Так, например, в сказке «Государь, поп и работник» (Сок., 95) царь задает священнику одного прихода три загадки: «Чего я стою? На своем коне во сколько время всю Россию могу объехать? Что у меня на уме?» Поп похудел и не мог ничего придумать. За него отгадал работник. Царь работника сделал попом, а попа работником.

Состязание в сообразительности и находчивости показано в сказке «Иван Рогуэн» (Онч., 172). Мужик-бедняк делит одного рыбчика на всю царскую семью, а затем шесть рыбчиков на пять ее членов, а богатый мужик и даже сам царь не могут этого сделать.

Обман или воровство у барина или попа — тоже своего рода состязание. Барин считает, что вору не украдь перину, шкатулку, барыню, и предпринимает ряд мер, которые могут предотвратить это воровство. Ловкий человек, несмотря на невыгодные для него условия, побеждает.

Конфликт может раскрываться как месть классовому врагу. В одной сказке (Кавк., 4) барин избивает старика, тот мстит ему, избивая его три раза. Месть может выразиться в том, что герой обманывает своего противника, ставит в смешное положение, унижает его и т. д. Иногда, прикидываясь простачком, герой из народа высказывает прямо в глаза неприятную для врага правду или просто высмеивает его.

Глубокий социальный смысл сатирических сказок не противоречит их развлекательности, которую сказка приобретает вследствие природы самого

конфликта; наоборот, именно глубокий смысл сказок усиливает их развлекательность. В этом также специфика сказки.

Для сатирических сказок характерны комические положения. Они достигаются разными способами — например, возникают тогда, когда явление обыденное выдается за высокое. Так, юмористически звучат сказки-пародии, в которых о самых низменных делах повествуется или поется церковным слогом. На манер церковного песнопения поп произносит: «Преосвященнейший владыко! — возглас первый. — Служа при сей церкви 12 лет, я составил капитал 12 тысяч. Вам жертвую 6 тысяч, протодьякону 500 рублей, певчим 300 рублей». Певчие подхватывают: «Слава тебе, господи, слава тебе» (Сок., 83).

Искусно используется в сатирических сказках многозначность слов. Различное понимание смысла одного и того же слова приводит к недоразумениям, к комическим ситуациям. Герой сказки воспринимает буквально отдельные фразы или слова с переносным значением. Отрицательный герой при этом, не понимая подлинного значения слов, проявляет таким образом свою недалекость, а положительный герой лишь притворяется непонимающим, нарочито приписывает другой смысл слову, чтобы поиздеваться над врагом. Так, в одной сказке (Г. О. 32. I. 39, № 108, стр. 269—271) сообщается, что поп заставляет работника смастить телегу, тот может дегтем ее всю; поп приказывает заложить коня, он закладывает коня цыгану за десять рублей. Герой сказки делает или отвечает как будто невпопад, а на самом деле его ответы имеют глубокий смысл, иногда затаенный, иногда открытый. Комически воспринимаются издевательски звучащие ответы мужика барину (Сок., 51). Барин спрашивает: «А кто же у вас есть за старшего? — Да кто, барин? У нас в деревне есть старуха, никто не помнит, сколько ей годов. — А кого вы боитесь? — Да вот здесь в усадьбе есть сердитая собака, так все ее боятся. — Кто же эту усадьбу держит? — Пока новая была, сама стояла, а теперь на упоры подпertia, дак упоры держат».

Вызывает смех и усиливает остроту ситуации нарочито невпопад сказанное слово. Герой сказки «Барин и кузнец» (Сад., 39) велит лакею, когда барину будут платить деньги, кричать: «Прибавь еще, прибавь еще! — лакей выкрикивает их, когда барина бьют.

Нередко комизм ситуации создается тем, что отрицательный персонаж не понимает самых простых, обыденных вещей, в связи с этим совершают с точки зрения здравого смысла нелепейшие поступки. Так, барин не знает, что такое нужда, и идет искать ее в поле, а мужик угоняет его лошадей, и барин таким образом познает нужду (Сад., 67).

В многочисленных сказках о глупцах конфликтам придает юмористический характер то, что поступки персонажей противоречат общепринятым.

Комически воспринимается физическая расправа с представителями господствующих классов — и потому, что она была необычной для того времени, а главное потому, что в такой ситуации особенно виден контраст между положением, которое занимают «господа», и их жалким состоянием, когда их избивает простой мужик, батрак и т. д.

Сказочные конфликты юмористически окрашиваются иносказательной речью. Так, в сказке «Петан Петаныч» (Г. О., 32. I. 39) скупая старуха отказывает солдату в обеде и, желая посмеяться над ним, говорит иносказательно, намеками: «Вот что, кормилец-солдатушка, не слыхал ли ты, где проживает такой Петан Петаныч Печенской губернии, Заслонского уезда, Горшевской волости? (намек на петуха в горшке, стоявшем в печке). — Как же, матушка, слыхивал. Только он уехал в Сумскую губернию, За-

плешный уезд, а на месте его Плетан Плетаныч живет» (солдат переложил в свою сумку петуха, а на место его в горшок опустил старый лапоть).

Юмористический оттенок вносит в сказку широко используемый прием создания комического, при котором один предмет (или явление) выдается за другой. Так, в одной сказке (Жив. ст., 258) жена, застигнутая врасплох мужем, не зная, куда спрятать любовника, ставит его в передний угол и выдает за икону святого Спаса. Муж делает вид, что верит. За обедом, поглядывая на «нового Спаса», муж говорит: «А ну-ко, не хочет ли новый-от Спас щей-то», — и выливает на него горячие щи. «Спас» убегает, а муж кричит вдогонку: «Спас, Спас! Постой, еще каша есть!» В этой ситуации вызывает смех уже то, что любовник выдается за святого. Комизм усиливается тем, что муж, внешне относясь доброжелательно к любовнику, по существу издевается над ним. Юмористически воспринимаются эпизоды, в которых герой, выдающий себя за слепого, глухого, мертвого, выходца с того света, действует как обыкновенный человек, неожиданно сам раскрывая свой обман. Так, желая проучить лицемерную жену, муж притворяется мертвым, но когда понесли его на кладбище, он подает советы, каким путем лучше нести.

Неожиданный поворот в развитии действия или неожиданный конец тоже создают комический эффект. Ленивая жена, не имея рубахи, вынуждена от гостей спрятаться в корчаге на полатях; потянувшись, чтобы посмотреть, как угощаются гости и муж, падает на пол вместе с корчагой (Ив., 37). Муж говорит жене, что по новому указу жены будут в семье «большаками». Жена стала взыскивать с него, заставляла выполнять женскую работу. По приказу жены он истопил баню и несет жену в баню через речку. Только взошел на середину мостков, сосед кричит: «Бабья большина кончилась». «А! ...кончилась, так дальше я не понесу», — и бросил жену в воду (Зим., 85).

Комизм ситуаций в сказках усиливается какой-либо деталью, брошенной как бы попутно. Голодный поп, герой сказки «Поп и работник» (Онч., 216), по наущению работника идет в чужом доме ночью ужин, попадает руками в узкий горшок с горячей солидягой, разбивает горшок о голову хозяйственного работника и убегает. Комизм усиливается тем, что поп зимой бежит босиком. В другом варианте этой сказки (Г. О., 32. I. 39, № 2, стр. 21—23) рассказывается, как скупой барин, проголодавшись, просил у работника есть. Работник ему говорит с издевкой: «„А ты, барин, по-жуй сенца“.— „Ну, так выбери какое помягче“, — натягал работник осоки, барину дает». Комически выглядит картина — барин ест сено, и еще больше усиливается насмешка тем, что и сено-то — осока.

Все эти смешные ситуации и создают сатирическое обличение. Они-то и характеризуют сатирическую сказку как жанр. Как бы ни были острые столкновения героев, какой бы запутанный и сложный характер они ни имели, связь всегда благополучна для положительного героя.

Сказка чаще всего имеет особую концовку. Она представляет собой итог, вывод из всего повествования. Концовка имеет морализующий, социальный характер. Сказка «Солдат и барин» (Смирн., 2, 232) заканчивается так: «Вот как поработаешь, да долго не спиши, так и на камне заснешь, а кто ничего не делает, так и на перине не уснет». Иногда мораль высказывается в виде афоризма, в виде пословицы, поговорки. Но это не голая, отвлеченная мораль, она органически вытекает из содержания сказки. Иногда сама концовка подчеркивает сказочный характер повествования: «Не знаю, правда была ли, нет ли, а кажется на самом деле и не было!» (Сок., 62). Иногда сказки, особенно второй группы, кончаются ла-

коничным замечанием об исправлении отрицательного персонажа («А мужик с бабой стали жить лучше прежнего», — Смирн., 2, 338; «Зажили они с тех пор в мире и согласии. Помог наговорный квасок», — Андр., 137). Иногда концовка представляет собой остроумное замечание героя, в котором и сосредоточены юмор сказки, насмешка, шутка. В сказке «Солдат отомстил хозяину за загадки» (Сок., 108) рассказывается, как хозяин потребовал от прохожего солдата отгадать загадки: назвать кошку «чистотой», огонь «светлотой», полати «высотой». За неверный ответ избивал. В отместку хозяину солдат привязал к хвосту кошки огонь и пустил ее на полати, а сам закричал: «Мужик, говорит, твоя чистота схватила светлоту, занесла на высоту, неси благодать, а не то ничего не видать» (благодать — вода). Изредка в сатирических сказках встречаются и концовки, которые ничем не отличаются от концовок волшебных сказок. Они обычно слабо связаны со всей сказкой, а иногда даже механически присоединены к ней. Такие концовки могут противоречить всему содержанию сказки. В сказке «Старик и старуха» (Смирн., 1, 161) мужик расправился с попом-любовником и «не стал верить своей старухе ни в чем», а в концовке говорится: «И стали они жить да поживать, да добра наживать».

В некоторых сатирических сказках действие занимает незначительное место. Они построены на диалоге, загадывании или разгадывании загадок, остроумном ответе, игре слов и т. д. В основе их построения лежит контрастность: одна сторона загадывает, другая отгадывает, один герой дает нелепый ответ, другой — остроумный, один выдерживает испытания, другой — нет. Главное в этих сказках — диалог. Такое построение сказки определяется ее замыслом: показать ум, мудрость одних и глупость, несообразительность других.

Таковы основные общие особенности построения сатирических сказок. Разумеется, отдельные типы сказок имеют свои особенности построения. Например, своеобразную композицию имеют сказки о ловком человеке. В этих сказках как бы нанизываются отдельные эпизоды, число которых в отдельных вариантах неустойчиво. Между собой эпизоды связаны действием положительного героя, как бы циклизируются вокруг него. В отдельных вариантах эпизоды комбинируются по-своему, при этом довольно искусно. Калейдоскопичность эпизодов можно объяснить тем, что в сказках показывается превосходство простого человека над классовым врагом. И чем больше он действует, чем чаще и хитроумнее обманывает своих противников, тем ярче подчеркиваются его положительные качества — ловкость, находчивость, смелость.

Выделяются по композиции еще сказки — пародии на церковную службу. Иногда в них вводится перекличка между отдельными членами клира по поводу различных житейских дел в форме церковного песнопения. В этих сказках большую роль играет исполнение сказки. Собственно, они и построены в расчете на пародирование церковного песнопения, являющегося самым ярким моментом в сказке и кульминационным пунктом.

Своеобразна композиция сказок о «набитом дураке». Они относятся к так называемым «цепным», в которых одно звено связано с другим, одна ситуация во многом похожа на другую, но в то же время они разные. Число таких звеньев в разных вариантах различно. Как было сказано, в этих сказках герой говорит или действует не соответственно данной обстановке. Жена или мать поучают его, как следует отвечать или поступать. Дурень повторяет их слова при других обстоятельствах и опять попадает впросак. Вся сказка построена как последовательная цепь событий. Подобная повторяемость сходных ситуаций наиболее удачна для раскрытия

сущности героя, идейного содержания сказки. Один или два эпизода не смогли бы показать закономерность явления.

Характерно, что, высмеивая дурня, не ориентирующегося в новых условиях, некоторые сказочники не упускают случая задеть и классовых противников народа. Так, в одном из вариантов дурень, встретив попа, говорит: «Черная гадина, с дороги прочь!» (Сок., 18). Такие переклички сказок обеих групп, как уже говорилось выше, довольно часты.

Отличительной чертой композиции сказок о глупцах-невеждах является то, что в них в обычное повествование вводятся анекдоты, которые могут бытывать самостоятельно. Количество анекдотов варьируется. Между собой эти анекдоты не связаны. Такое построение сказки резче выделяет объект осмейния — людскую глупость, отчетливее выражает отношение народа к этому пороку и делает сказку занимательнее.

По-особому строятся сказки о том, как чудесное дерево или другая волшебная сила выполняет желание мужика стать богатым, барином, затем чиновиком и т. д. Для этих сказок характерно ступенчатое строение, развитие действия по градации. Последовательное усиление одного мотива способствует более полному и эффективному раскрытию идеи — осуждению тех, кто отрывается от собственной среды, от народа.

Большим разнообразием и сложностью композиции отличаются сказки о вероломной жене. Здесь и различные комбинации эпизодов, и неожиданные ситуации, и диалог в виде песенок и т. д. Такая композиция объясняется тем, что герою сказки приходится идти на разные уловки, чтобы разоблачить и наказать неверную жену.

Изучение композиции отдельных типов сказок показывает, какая тесная взаимосвязь существует между их содержанием и построением.

Общими чертами построения сатирических сказок являются: одноплановость сюжета (действие развивается вокруг главных героев сказки, в сказках нет побочных линий); резкое противопоставление, столкновение двух антагонистических сил или двух диаметрально противоположных сил в моральном плане внутри класса; повторяемость эпизодов, нередко с нарастающим эффектом; разнообразные комбинации отдельных эпизодов и т. д.

В кульминационном пункте, в самом напряженном моменте конфликта сказки наиболее ярко выражается протест народа против представителей господствующих классов и осуждение недостатков в народной среде.

Стилистические черты и язык сатирических сказок имеют некоторое своеобразие, обусловленное, прежде всего, обличительным направлением сказок и, кроме того, устностью бытования, воздействием аудитории и т. д.

В сатирических сказках наблюдается органическое соединение черт эпического сказочного стиля и реалистического повествования. В них можно встретить прибаутки, зачины, присказки, характерные для сказок волшебных. Иногда встречаются традиционные постоянные формулы: «Честным пирком да за свадебку» (Онч., 157); «Близко ли далеко ли, не дошел верст пяти» (Сок., 86) и т. п. Это влияние волшебной сказки, с ее повторениями, постоянными формулами — «обрядностью», в сказках о темевых сторонах народного быта значительно меньше, чем в антиповских и антибарских. Это понятно. Такие качества, как лень, глупость, скучность и т. п., полнее и ярче раскрываются именно в условиях повседневного быта. Этим же можно объяснить то, что в данных сказках почти отсутствует фантастика.

Сатирическую сказку отличает сжатость и живость изложения. Последнее связано с его разнообразным характером. В сказках действие сменяется описанием, диалог — действием, отдельными вставками — замечаниями автора по поводу излагаемого, прозаический рассказ — рифмованными вставками, а то и песней, краткое, беглое изложение событий — тщательной зарисовкой деталей, пространные рассуждения по тому или иному поводу — лаконичной пословицей или афоризмом, стройное логическое развитие действия завершается неожиданной концовкой, предельно простое, ясное повествование может смениться вызывающим интерес и любопытство иносказанием и т. д.

Сказки, высмеивающие недостатки в народной среде, отличаются еще большей сжатостью изложения, чем — в общей своей массе — сказки, отразившие социальные противоречия.

Большую роль в достижении художественной выразительности сказок играют различные произведения устно-поэтического творчества, которые органически входят в состав сказок. Это короткие песенки, загадки, пословицы, поговорки и т. п.

Особую живость сатирической сказке придают песенки, которые являются неотъемлемой частью некоторых сказок первой группы. Это сближает сатирическую сказку со сказками о животных, где песенки имеют большое значение для развития сюжета. В сатирических сказках песенки имеют разные функции. Часто они представляют собой замаскированный диалог между героями: чтобы скрыть смысл переговоров, они ведутся в песенной форме. Именно в таком значении употребляются они и в сказках о животных. Но, в отличие от сказок о животных, в сатирических песенки имеют обличающий смысл. В сказке «Поп исповедник» (Онч., 138) рассказывается, как муж, посланный женой в Турцию за «турьским» маслом, по наущению нищего возвращается домой. Последний вносит мужа в кережке (саня без оглоблей) в дом, где жена веселится с попом.

Жена поет: «Жена безумного мужа выслала в Турцию за турьским маслом, а сама жена здорова и добра, а с попом и за столом и яндова вина».

Поп повторяет эту песенку. Нищий посредством песенки советует мужу, как тот должен поступить: «Ох ты слушай, кережка, разумей-ка ты, мешок, не про тебя ли говорят, не про твою ли голову говорят? А я мешок развязжу, а безмен на гвозду, а ты отвесь-ка полу, а остатки тому, кто с попом за столом». В сказке «О попе и его работнике» (Красн., 8) попадья поет: «Стоит скляница с вином, табакерка с табаком, сидит дьякон за столом, попадья перед столом». А работник Михалка подпевает: «Солома — солома, что делается дома?» (В соломе сидит поп). Поп отвечает: «Плеть на стене?» И он расправляется с дьяконом-любовником. Песню поют в пародийных сказках клирошане, не умеющие вести церковную службу. Так, причетник поет на церковный лад: «Солнце на лете, на западе, на закате» (Онч., 43). В другой сказке (Онч., 63) дьячок подпевает дьякону: «Вдоль по травке, да вдоль по муравке, по лазоревым цветочкам».

Нет сомнения, что подобные песенки усиливают художественную выразительность сказок, их остроту. А если помнить, что эти песенки при рассказывании сказки поются, можно представить, какое впечатление производит на слушателей сказка. Они звучат юмористически, и в самих песенках отчетливо выражается отношение сказочника к персонажам данной сказки.

Большую роль в сатирических сказках играют загадки и невыполнимые задачи. Они в сказке служат для «испытания мудрости». Умение загадывать и разгадывать загадки свидетельствует об уме и находчивости героя. Обычно в сказках этими качествами наделяется бедняк, а богатый оказы-

вается неспособным отгадать или загадать умную загадку (Сок., 4, 7). Отгадывая или загадывая загадки, положительный герой показывает свою наблюдательность, умение анализировать и обобщать факты. Ответы отрицательного персонажа часто раскрывают его сущность. Так, ответы кулака — великолепная сатира на богатых, все помыслы которых связаны с собственностью. Нередко герой, которому задают невыполнимую задачу, отвечает задачей же. Так, воевода задает задачу дочери бедного мужика: «Вот, девушка, я подарю тебе быка, а ты мне накопи от него в зиму пять пудов масла». Девушка отвечает: «Вот я тебе дам этот прутник, ты мне сделай из него красна, я буду ткать» (Красн., 1, 1). Очень важно при таких загадках остроумно ответить. В сказке «Царь Петр и хитрая жена» (Онч., 49) царь загадывает боярам: «Я хочу непосеяно поле похвать». Бояре не могут отгадать и обращаются за помощью к простой крестьянской девушке. Она советует ответить царю: «Вы будете начинать, а мы вам будем помогать». Также не может решить загадки, предложенные царем, архимандрит, а простой мельник без труда дает остроумный ответ (Смирн., 1, 22). Загадка, следовательно, становится тем элементом, который выявляет положительные качества одних героев сказки и отрицательные — других.

Такое же значение имеет в сказках иносказательная речь. В сказке «Царь, стариk и бояре» (Онч., 18) и обобщение наблюдений, и констатация фактов, и намеки на отношение к боярам даны в аллегорической форме. Царь говорит: «Дедушка, прилетят сюда гуси, можешь ли их требить?» «А сколько могу, потереблю». «Дедушка, тереби горазнее, не жалей». Здесь идет речь о том, что царь обещает крестьянину послать бояр, чтобы тот их «пошипал», извлек выгоду. Антибоярские тенденции выражены в сказке иносказательно.

В сатирических народных сказках обеих групп нередко встречается рифмованная и ритмическая речь, которая усиливает юмористическую струю в сказке, способствует четкости выражения и в то же время делает сказку живой и занимательной. «Да у меня, куманек, сегодня ничего не стряпано, печка не топлена, хлебы не печены и щечки не варены» (Смирн., 2, 268); «Они разжились, разбылись, разбогателись; сумочки пошили, кошели поплели, на базар побрели» (Сад., 30); «У них три сына: старший умный был детина, средний так и сяк, а младший вовсе был дурак» (Смирн., 2, 275). Нередко собственные имена используются для создания рифмы или ритмической речи: «Твой Дороня у царя боронит» (Смирн., 2, 271); «Приходит Костя к старухе в гости» (Онч., 50); «Муж был Вавило, жена была Арина, работать больно ленива» (Сад., 36).

Сатирическая направленность сказок требует определенных, соответствующих ей форм языкового выражения.

Для сатирических сказок характерно использование пословиц, поговорок, юмористических афоризмов. Пословицы придают рассказу лаконичность и выразительность. Иногда они обобщают все сказанное в сказке, кратко формулируют ее содержание. Так, в сказке о глупых людях (Смирн., 2, 322) говорится: «С умом горе, а без ума вдвое». В сказке о мужике, который не ценил труд жены, а сам не справился с домашней работой (Г. О., 32. I. 42, стр. 45—46), подводится итог пословицей, выразившей опыт народа: «Хозяйство вести — не лапоть плести».

В сказках о недостатках в быту народа афоризмы и пословицы нередко носят морализующий характер: «Нет, при пире, при бражке, так все дружки, а при горе, при бедности, нет никого» (Онч., 257), — говорит герой, обиженный вероломным другом.

Немногочисленные в общем эпитеты в сатирических сказках несут большую смысловую нагрузку и употребляются в ироническом смысле: беспечальный монастырь, совестливый батюшка (Зел., 63).

Так же остро звучат эпитеты, ставшие в сатирических сказках постоянными: жадный поп, глупый старик, хитрая баба, скupой барин, продувной слуга, набитый дурак, скупая барыня и т. п.

Изредка встречаются эпитеты-приложения, которые дают исключительно меткие, экспрессивные оценки отрицательным персонажам: дьякон — вякон, старшина — мироед (Г. О., 32. I. 39, стр. 12), поп — космач. В них четко выражается классовое отношение к персонажам сказки. Некоторые из них также стали постоянными: поп-толоконный лоб (Аф., 3, стр. 381), Иван-дурак и др.

Одной из характерных особенностей языка сатирических сказок является его эмоциональная окрашенность.

Нередко даются эмоциональные характеристики героев в виде бранных слов: «Косматый леший»; «А ты, чорт косматый, навязался», — говорится о попе (Сок., 53); «Постой, долговолосый, не уйдешь» (Сок., 33); «Ну, долговязый пес, давай расчет» (Сад., 26); «Зачем ты, долговолосый, тут сунулся, забился в мешок-от? Подлечина!» (Зел., 26); «Ой, ты, грива пустоволоса! где ты был?» (Зел., 35); о боярах говорится, что «они толстобрюхие до денег лакомы» (Онч., 7).

Эта экспрессивная лексика придает сказке остроту.

Вообще лексика в сатирических сказках является важным выразительным средством. Естественно, что в них преобладает лексика общеупотребительная, бытовая, разговорная. Наряду с этим используются специфические слова, связанные с темой и содержанием сатирической сказки. Так, в антипоповских сказках богато представлена церковная лексика, которая придает определенный колорит и служит средством разоблачения представителей духовенства. Вызывает смех употребление высоких церковных слов в бытовой обстановке, при неблаговидных поступках духовных лиц. В сказке «Жадный поп» (Аф., 3, стр. 367—368) рассказывается о том, как поп требовал на исповеди гривенник, солдат украл его шапку, продал, принес гривенник и получил отпущение грехов. Эта сказка изобилует такими словами, как приход, отец духовный, покаяние, грехи, исповедь, вечерня и т. д. Иронический смысл придают в контексте сатирической сказки слова: амвон, священное писание, духовный пастырь, мать-игуменья, отче, святой отец и др. («Суд о коровах», Аф., 3, стр. 365—367).

Церковная лексика создает торжественный стиль, который усиливает сатирический смысл сказок, так как его торжественность нарочито снижена. Священник, вспоминая во время церковной службы о бытовых делаах, наряду с церковнославянскими словами употребляет разговорные: «Поехал мужик на мельницу, навалиша большой воз, и смутился кони его и бысть глас в небесе» (Сок., 152). Изdevательски звучат слова вора, который, переодевшись ангелом, обещает унести на небо архиерея: «Господи Иисусе христе, дома ли святая владыка. Я есть ангел господень, взять тебя, святую владыку, на небеса, сподобился ты» (Онч., 59).

Иногда церковная лексика используется для иносказания, это тоже придает комический оттенок сказке. Дьякон у сына спрашивает, украл ли тот овец: «Сыне мое сыне, приобретохал ли бля-бля?» (Зел., 59). Все это усиливает пародийный смысл сказок.

В антибарских сказках встречаются слова, связанные с бытом барина;

отражающие отношения помещика и крестьянина: барин, слуги, лакей, докладывать барину, мыза, усадьба (Онч., 223), староста, наряд, служанка (Сок., 45), слуги и т. п.

В солдатских сказках вместе с общераспространенными словами употребляется специфическая лексика: «стоять на часах», «все по форме», «тот его в зубы», «порка», «начальство».

Сатирические сказки отличаются богатством синонимов. Особенно богаты синонимические ряды, обозначающие действие. В сказке «Сердитая барыня» (Сок., 45) понятие «избить» передается синонимами: лиховать, нахаживать, драть, катать, поколотить. В сказке «Лутонюшка» (Аф., 3, 405) слово «заплакать» заменяется: превеликим голосом закричать, завопить, говорить сквозь слезы, кричать. В сказке «Жадный поп» (Аф., 3, стр. 367) употребляется синонимический ряд: поп, отец духовный, батюшка, священник. Такое обилие синонимов не только разнообразит текст, помогает избежать повторений, вместе с тем, оно связано с идейным содержанием сказки. Солдат называет священника попом, при личном обращении употребляет батюшку, сам себя священник называет отец духовный. «Отец духовный» в устах попа звучит иронически, так как он при этом ругает прихожан самыми грубыми словами за то, что они приносят ему мало денег: «Экая ты рогатая скотина! Проклятый! Сукин сын». Синонимика широко используется при повторении. В сказке «Хитрая баба» (Аф., 3, стр. 370) повторяются эпизоды — хитрая баба по договоренности с мужем приглашает к себе в гости по очереди попа, дьякона и звонаря и всех их прячет в короб. Благодаря синонимике повторяющиеся эпизоды не надоедают своим однообразием. Здесь употребляются синонимические выражения: «вскочил в короб и улегся в саже»; дьякон «чебурах в короб с сажей»; дьячок «очутился в коробе»; звонарь «бульых в короб». Здесь картиность и живость эпизодов усиливается употреблением специфической глагольной формы: чебурах, бульых.

Сатирическую сказку как жанр характеризуют богатство лексики, ее экспрессивность, острый диалог, ритмическое изложение событий, усиливающее шутку и насмешку, употребление рифмы для выделения острых моментов, смысловая насыщенность выразительных средств языка.

Лексическое многообразие сказок не противоречит предельной лаконичности сказок и способствует ее живости.

Таким образом, народную сатирическую сказку отличают следующие черты: обличительное направление (при этом главным оружием обличения является смех); ее реалистическая, бытовая основа, своеобразное построение образа (сказочный персонаж раскрывает свои типические качества обычновенного человека в необычайных обстоятельствах, совершая необыкновенные поступки), особый характер «сказочности» (желаемое в сказках выдается за действительность, при этом желаемое вполне осуществимо), острота и комическая окраска конфликта, последовательная контрастность образов, стилевая экспрессивность при сжатом изложении.

Приблизительно, коротко сатирическую сказку как жанр можно определить следующим образом: это реалистический рассказ, который, используя сказочную «необычайность», обличает и высмеивает отрицательные стороны действительности и выражает мечту о торжестве справедливости и надежду на лучшее будущее.

